

ДМИТРИЙ
ГУРСКИЙ

ДАР БОГОВ

Дмитрий Гурский

Дар Богов

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гурский Д.

Дар Богов / Д. Гурский — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

В этом мире есть все. Боги, как и полагается небожителям, играющие в им одним ведомые игры, и демоны, охотящиеся за душами неосторожных. Ведьмы и надзирающие за ними суровые инквизиторы. Волки-оборотни и молодые герои, способные ради благосклонного взгляда прелестницы идти на край мироздания. А еще в нем, безусловно, есть шапка-невидимка и сапоги-скороходы, равно как и другие двенадцать чудес и диковин, о которых, правда, ни словечком не упоминается в нижеследующем повествовании.

© Гурский Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дмитрий Гурский Дар Богов

*За пеленой иных времен,
Иных имен и лиц,
За камнем рухнувших колонн,
И порохом гробниц,
В калейдоскопе мест и дат,
В библиотеке снов,
За бастионами цитат,
За частоколом слов —
Лежит страна моей мечты,
Мой заповедный край.
Где солнца желтого лучи,
Благословляют май.
Где вьюгой балует январь,
Где август зной сберег,
Где октября червленый лист,
На землю тихо лег.
Где птица феникс раз в сто лет
Рождается в огне,
Где ты узнаешь цену слов...
И вспомнишь обо мне.
Я приглашу тебя туда,
И ты пойдешь за мной.
Вдыхать пьянящий аромат,
Под кроною лесной.
Услышав песню соловья,
Спешить на птичий зов,
Дремать у мирного огня —
И не бояться снов.
Любить траву и небеса,
Сзывать зверей и птиц,
Когда холодная роса
Едва коснется лиц,
Благословлять весь мир вокруг,
И песней славить край.
Пойдем! Пойдем, со мной, мой друг,
В мой обретенный Рай!*

Пролог

Сначала был звук.

Рожденный от касания сапожных подошв о холодный камень, он разбудил эхо, давно спящее где-то высоко под сводами. И, оседлав его, понесся по плотно заполненным тьмой переходам.

Потом показался свет.

Медная лампа в руке торопливо идущего по коридору седобородого волшебника, питала заботливо прикрываемый ладонью огонек пламени. А тот, словно в благодарность за заботу, окружал высокую, обряженную в белое фигуру, желтым ореолом света. Ненадежным барьером, отделявшим человека от владений абсолютной темноты, частью которой были странные тени, неотрывно следующие за магом.

Но, тот, не обращал на своих изменчивых попутчиков ровно никакого внимания. Он спешил.

Спешил настолько, что, перешагнув, через изломанное человеческое тело, даже не взглянул на еще не успевшего остыть мертвеца.

Такие мелочи его не волновали...

Где-то впереди послышался громкий рев и крики. Казалось, любое существо, услышавшее эту усиленную эхом какофонию, должно было бы в ужасе убежать прочь от ее источника... Но волшебник лишь прибавил шаг.

Теперь-то он знал точно – цель близка!

Крик захлебнулся, перешел в вой, и, наконец, прервался, словно обрезанный...

Пройдя несколько пустых комнат, и спустившись по узкой, вырубленной в камне лесенке, седобородый, наконец, остановился. Прислушался. Опустил на пол светильник, и сделал шаг вперед.

Темень резко сменилась светом вспыхнувших факелов. И перед глазами волшебника развернулась картина жестокой бойни, недавно учиненной в подземелье. Свежие потеки крови разрисовали мелованные стены зловещим узором. Ошметки человеческих тел, вперемешку с порванной одеждой, исковерканными доспехами и переломанным оружием покрывали весь пол небольшого восьмиугольного зала, в центре которого, меж полом и потолком висел клинок.

Какой-либо видимой опоры, на которой могло бы покоиться оружие, видно не было.

Волшебник улыбнулся, и уверенно шагнул прямо к артефакту.

Совершенно не обращая внимания на то, что полы его длинного одеяния безнадежно испачкались в крови, седобородый осторожно взял меч, и, держа его перед собой на вытянутых руках, почтительно поклонился.

Оружие дрогнуло, и, в идеальном зеркале тщательно отполированного лезвия, тускло блеснуло отраженное пламя факела.

Свет, наверное, очень хотел поиграть с клинком, но..., даже он испугался мгновенно соткавшейся из чадного дыма исполинской человекообразной фигуры, колеблющиеся очертания которой нависли над протянутым к ней мечом.

Под самым потолком, над склоненной фигурой вошебника желтым светом полыхнули два кошачьих глаза.

– Говорю тебе, демон, волею Князя, что поставил тебя здесь: отдай мне то, что не принадлежит тебе! – хрипло произнес седобородый, не поднимая глаз.

– ЗНАК!!! – проревел нечеловеческий голос. Пламя факелов качнулось, мигом расшевелив застывшие было тени. А испуганное эхо, понеслось куда-то в темноту подземелий, видимо решив, убратся подобру-поздорову от демона-хранителя, разбуженного докучливыми охотниками за сокровищами.

Вошебник же, перехватив оружие левой рукой, вытащил из-под одежды золотой медальон с изображением весов, и протянул его гиганту.

В зале повисла тишина.

– БЕРИ... – выдохнул желтоглазый демон, и сильный порыв горячего ветра мгновенно разметал зыбкое тело дымного гиганта, попутно затушив все горящие огни.

Зал снова погрузился во тьму.

Глава 1

Кто добровольно согласиться носить обидные прозвища типа «меднолобый» или, скажем, «железноголовый»?

Вот, вот! И златские стражники тоже не соглашались. Поэтому, если какой-нибудь невнимательный остряк произносил в присутствии незамеченного стража порядка подобные слова, оные незамедлительно «забивались ему обратно в глотку» группой обиженных законников.

А что? Обидно же!

Ведь, придя в магистрат, здоровый молодой парень из пригорода, мечтающий о славе, форменном платье с лампасами, жаловании, пайке и прочих видах довольствия, даже и не догадывается, что в придачу ко всей этой красоте, он получит и весьма нелестное прозвище. А пяток лет спустя, как дополнение к нашивкам капрала, – еще и пивной животик средних размеров, одышку, колотье в боку и совсем уже обидный ярлык «бронезадога»!

Правда, получив (опять же, вместе с нашивками) изрядную толику житейской мудрости – бывший пригородный романтик успокаивается. Приписывает обидные слова «гражданских» к графе «издержки профессии», и, не обращая на них внимания, гордо несет по жизни звание «стража порядка». При случае, часами рассказывая благодарным слушателям о риске и смертельной опасности, накрепко связанными с его профессией. Красиво. Убедительно. В подробностях...

И так происходит с каждым. Ну, или почти с каждым.

И даже если не у всякого из стражей порядка хватит красноречия на часы рассказа, уж про то, что служба и опасна и трудна – поведает любой из них. Будьте уверены!

И уж точно, будьте уверены в том, что никто из шлемоблещущих, сроду не признается, что основная их борьба проходит с такими серьезными противниками как сон и лень.

Но, в Белокаменном Злате, стражникам верили. А уж они-то клялись-божились, что в тот памятный вечер, никакого слепого с мальчиком-поводырем, не видели. А, следовательно – и в город не пропускали.

И словам этим даже пыточных дел мастер верил.

И это кое-что да значит!

А ведь когда хлопнувшая входная дверь возвестила о прибытии новых посетителей, многие из завсегдатаев харчевни «У веселого Монха» даже не обернулись.

В самом деле, – мало ли кого занесет летним вечером в заведение толстяка Монха на кружечку пива?! Ко всем, что ли оборачиваться?

Правда, новоприбывшие не вызвали интереса только поначалу. Да и то, лишь по причине слабой освещенности и крайней задымленности питейного зала.

Но, как только захмелевшие любители пенистого напитка рассмотрели вышедшего в круг света мальчишку с тощей холщевой торбой, а за ним и лысого как колено деда-гусляра, все их внимание быстро переключилось на новых гостей.

Ну, еще бы! Перемывать косточки ближнему своему, – дело, конечно, важное, но уж больно утомительное! Ведь не кого-нибудь песочим, а самых что ни на есть Первых Лиц – Воеводу да Голову!

А значит, даже самому поднаторевшему в политических спорах оратору, необходимо отдохнуть и собраться с мыслями. Да и показать, что тебе не только политические хитрости «сильных мира сего» доподлинно известны, но и культура не чужда – совсем даже не грех.

По крайней мере, когда под рукой есть цыгане, танцовщицы, заклинатели змей, и прочие глотатели клинков, огня и разной другой гадости. Ну, или, на худой конец, как сейчас – бродячие музыканты, что могут и сказку рассказать, и песней потешить.

А потому, дедку с поводырем мигом освободили лавку. Поставили рядом внушительную кружку пива (пусть и не лучшего), и приготовились слушать.

Старик же, пошептавшись о чем-то с мальчишкой, с видимым облегчением опустил костлявый зад на лавку. А когда поводырь расторопно всунул в пальцы слепца пивную кружку, на лице деда появилась и вовсе блаженная улыбка – хоть лик святой с него пиши!

Старик медленно, без суеты, выпил с полкружки пива, и, поставив сосуд рядом, положил на колени гусли.

Пальцы его, казалось, чуть притронувшись к струнам, взлетели вверх, но инструмент, узнав руку хозяина, тут же отозвался тихим мелодичным перезвоном. Людские голоса затихли, и старик заговорил...

Голос его оказался на диво сильным и густым. Хоть и говорил странник довольно тихо, слышно его было по всему обширному залу харчевни. Голос накладывался на незатейливую мелодию, рождаемую пальцами старого гусяра, сливался с ней и наполнял собою помещение.

– А не рассказать ли вам, почтенные горожане, сказку? Сказку древнюю, стародавнюю! Хоть и не сказка это вовсе, а самая, что ни наесть быль. Ведь, слыхивал я ее от деда, а тот от своего деда, а тому поведала ее бродячая цыганка, что слыла самой правдивой женщиной на земле...

Возражений не последовало, и дед продолжил:

– Давным-давно это было! Пришли из неведомых миров трое. Первый был Царь-Создатель, второй – Князь-Управитель, а третий Шут-Случай.

И явился, по воле Создателя, из его дыхания, из слезы его, из пылинки малой, из луча солнечного, наш мир. И заселился он людьми. И стал Царь править этим миром, а Князь и Шут, послушные воле его, во всем помогали ему.

И был то Век Золотой.

Люди не ведали бедствий и жили в любви и согласии меж собою. Обильно плодоносили поля и сады. И был мир наш обителью правды и справедливости.

Но настало время, и Царь отправился творить другие миры, взяв с собою Князя. А править нашим миром стал Шут-Случай.

И было то время великих чудес и свершений!

Посмотрел Шут на мир, и решил, что негоже людям жить так, как жили ранее. Ибо дана человеку жизнь для того, чтобы шел он по ней, как по дороге – к совершенству. Люди же разленились и в праздности проживали век свой.

И появилось тогда на земле множество дивных животных, и птиц, и прочих тварей. И были они враждебны людям. Но не хотел Шут полной гибели человеческой! Потому научил он избранных, как бороться с супостатами. И множество великих героев явилось миру, чтобы обессмертить свои имена в веках. Огнем и железом выжигали они скверну! Побеждали или умирали. Но, умирая, знали, что на их место встанет следующий. Встанет и победит!

Так жили они и так завещали жить потомкам своим.

Так жил наш мир. И хоть правды да справедливости на земле поубавилось, хоть и приходилось порой добывать их силой да хитростью, люди не перестанут хранить память о тех славных днях в сказках и преданиях.

Ибо был то Век Серебряный.

Однако снова пришло время перемен – вернулся из дальних странствий Князь. А, вернувшись, обозрел он мир, и не люб ему стал, мир сей! Обозлился Князь на Шута за то, что не стало среди людей порядка. Разгневался, да и скинул его с небес на землю.

Яркой кометой пал Шут с высоты, возвещая начало новых времен. И закрыта с тех пор ему дорога ввысь!

А Князь по своему разумению править стал. И теперь, в Век Железный, вершит он судьбу нашего мира железной рукой. Коль задумает чего – не останавливается ни перед чем, лишь бы

достичь задуманного. Кровь для него пустяк и война для него пустяк, – его воля и порядок превыше всего!

Но и Шут обиды не забыл. Единственный из Троицы, кого носит на груди своей Мать-Земля, живет он среди людей. И где только возможно, вмешивается в планы Князя. Поэтому, как ни велик, бывает любой из замыслов, на небесах созданный, на земле, очень часто, все идет наперекосяк. По воле Шута-Случая.

Вот так, за веком век, и по сей день, продолжается их противостояние. И конца ему не будет, пока есть на свете Князь и Шут!

Замолчал старик. Перестали пальцы его гладить струны.

Странная вышла сказка.

А люди молчали. Молчали, словно зачарованные. Молчали и не двигались даже тогда, когда старик, медленно опорожнив свою кружку, взял мальчишку за руку и вышел из харчевни. Чтобы навсегда пропасть в переплетении ночных городских улиц.

И все бы было ничего. Да вот только, как утверждают несколько завсегдатаев златских пивных погребков, в то же самое время и та же самая парочка, явилась в полудюжине других местных питейных заведений. Чтобы и там рассказать свою странную сказку, а потом бесследно раствориться в темноте летней ночи.

А иные смельчаки добавляют, что, оклемавшись, и выскочив вслед за сказителем на улицу, старика с мальчонкой они не заметили. Зато видели в небе над Златом, огненный шутовской колпак. Что несколько коротких мгновений переливался всеми оттенками красного – от алого до малинового, а затем исчез без следа.

И снова вспомнили люди Шута. И, пошли – полетели слухи! О том, что недаром приходил странный дед в город. Не зря говорил он про Шута. Что вслед за предтечею своим, вскоре объявится и сам Великий Проказник. И начнутся в Злате дела дивные, странные и невиданные! И к чему приведут они, неведомо никому...

Глава 2

В небольшой, светлой горенке, у открытого настежь окна, сидела женщина. На полу, подле самых ног ее, распластался солнечный зайчик, словно ожидая – когда же на него обратят внимание. Однако, искристые зеленоватые глаза абсолютно не замечали этого. Женщина с интересом глядела вглубь небольшого зеркальца, лежащего на коленях.

Со стороны могло показаться, что она любит себя, но...

В зеркальной глади отполированного металла отражался дремучий лес, сквозь кусты и буреломы которого пробирался высокий русоволосый парень в одежде охотника.

Он уверенно и свободно двигался меж переплетений корней и веток, одинаково обильно покрытых мхами разнообразной формы, длины и расцветки.

Почему-то возникала мысль о том, что ему нравится мрачный, сырой лес. И, похоже, что это действительно было так. Казалось, парень способен идти вперед день и ночь. Не ощущая усталости. Без остановок и передышек – пока не закончится сам Лес...

Но вот, в сплошной стене древесных стволов, подлеска и сине-зеленых мхов показалась брешь. Охотник замедлил шаг, огляделся вокруг, и остановился.

Перед ним лежала лесная поляна.

Человек глядел на холм, что возвышался посреди поляны, окруженной со всех сторон старыми деревьями, а хозяйка зеркала удовлетворенно откинулась на резную спинку стула. На ее губах играла улыбка. Перед тем, что когда-то было местом поклонения трижды забытого всеми народа, сейчас стоял нанятый ею простак-охотник. И не пройдет много времени, как с помощью магического зеркала, она увидит старое святилище изнутри: залежи древних знаний, артефакты, многочисленные реликвии. Всю начинку старого подземелья, в которое коренной житель Белокаменного Злата, не спустился бы ни за какие деньги. Все то, ради чего любой адепт магической науки, не задумываясь, пожертвовал бы половиной собственной жизни! Не говоря уже о чужой.

* * *

Всю свою сознательную жизнь Ян непоколебимо верил в удачу. Вера эта была впитана с молоком матери, с первым вздохом, с ярким блеском далеких звезд в сумеречном небе.

Удачей было то, что десять лет назад, бездомного сироту-оборванца, подобрал на лесной опушке добряк Ингвар. Удачей это было потому, что по дорогам разоренной войной Свении, в тот год, слонялись сотни маленьких бродяжек, лишившихся семьи и крова. И мало кто обращал на них внимания больше, чем на приبلудных дворняг. А старый лесной отшельник не только накормил и обогрел Яна – он стал мальчику вторым отцом. Научил выживать в чаще, ежечасно повторяя, что зверь добрее человека, а лес приветливее деревень да городов.

Для Яна, мнение приемного отца оставалось непреложной истиной целых десять лет, – до той самой поры, пока в один злополучный день, Ингвар не был задран медведем, видимо оказавшимся не таким добрым, как хотелось бы старику.

И Ян снова оказался на дороге. Правда, теперь он не был сопливым замурзанным ребенком, затерявшимся в круговерти тянущихся по трактам пехотных и кавалерийских колон, военных обозов, беженцев и мародерствующих наёмников. На тракт вышел сильный восемнадцатилетний юноша.

Из рассказов приемного отца, который до своего добровольного ухода в леса, успел изрядно побродить по свету, Ян, пожалуй, уловил главное – созданный богами мир столь велик и разнообразен, что человек может просто устать от созерцания тысячной доли его чудес и диковин. Так, например, было с Ингваром. Как говорил старик, ему необходимо было осмыслить и понять все то, что было видно им в пору беспечной юности и беспокойной зрелости, дабы уйти к богам во всем блеске, сопутствующем мудрой старости.

Но Ингвару было уже за шестьдесят, а его приемному сыну, лишь восемнадцать. Следовательно, рассказы отшельника давно уже разжигали в юноше желание самостоятельно познать мир. И в снах своих, особенно в последний год, Ян уже не раз прощался с добрым стариком, отправляясь в далекие диковинные страны. Но всякий раз, проснувшись, Ян откладывал свой уход, осознавая, что еще слишком многому может научить его Ингвар.

Мог бы...

Со смертью отшельника оборвалась единственная нить, удерживающая Яна от давно задуманного путешествия в большой мир. Он похоронил останки своего приемного отца, и собрав кое какие полезные в дороге вещи, двинулся на юго-восток. Туда, где, по словам Ингвара, кончалась земля полуразвалившегося Свенского государства, и начиналась богатая земля Златская, обильная и людьми, и пашнями, и товарами.

Но, выйдя из леса, Ян понял, что за десяток лет, которые он провел в обществе Ингвара, многое поменялось. Как выяснилось, война и смута, терзавшая Свению вот уже одиннадцать лет, наконец, подошла к концу. Оставив после себя недобрую память, обедневшие провинции да небольшие, но сплоченные сообщества разномастных вольношатающихся личностей, странствующих по стране в поисках заработка. А именно: маркитантов всех мастей; гадалок, прикидывающихся цыганками и цыганок, прикидывающихся гадалками; бродячих цирюльников; беглых студентов, балансирующих между желанием стать великим, но непризнанным миром философом и открывающимися возможностями заняться рискованным промыслом «работника ножа и топора с большой дороги»; монахов-проповедников предлагающих покаяться, несмотря на отложенный в очередной раз Конец Света; и циркачей, удивительно совмещающих не только все вышеперечисленные рода деятельности, но и десятки других не менее важных и нужных профессий. В общем, всех тех, кто последние годы неотступно следовал за обозами разномастных армий, развлекаая, ублажая и обслуживая бравых вояк, а теперь вынужден был искать источник дохода в других местах.

И снова юноше сопутствовала удача – он не встретил на своем пути ни одной из расплодившихся ватаг неудержимой дорожной вольницы. И его не прикопали где-нибудь на обочине, польстившись на нехитрый скарб, таившийся в заштопанном заплечном мешке.

Хотя, не исключено, что любители легкой наживы, видя уверенно следующего по тракту молодого человека с внушающим уважение дорожным посохом в руке, сами подумывали о том, как бы не оказаться в придорожной канаве. Ведь попытаться отобрать у такого тощий мешок, в котором и поживиться то, пожалуй, нечем – себе дороже.

В общем, до Белокаменного Злата, молодой охотник добрался без приключений.

Как же тут не поверить в удачу!

А уж что говорить о том, что молодому безденежному страннику, едва прибывшему в столицу и, в сущности, слабо представляющему, что ему делать дальше, прямо на Торговой площади Злата ни с того ни с сего предложили заработать...

В общем, именно удачей объяснял Ян свою встречу с молодой панной, давшей ему странное, но вполне выполнимое задание. Да при том, еще и обещавшей расплатиться по-царски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.